

В.П.Желиховская

Из стран полярных (Святочное происшествие)

От публикатора

Автором рассказа «From the Polar Lands. A Christmas Story» (сборник «Nightmare Tales», 1892) считается Е.П.Блаватская. В действительности, это произведение является переводом начала рассказа В.П.Желиховской «Из стран полярных. Святочное происшествие». Это выясняется из сравнения текста двух произведений. Также это подтверждает и В.В.Джонстон¹, сообщавшая в письме к В.П.Желиховской от 7/19 ноября 1890 г., что «тетушка [Е.П.Блаватская] в восторге от Стран Полярных и собирается переводить» (ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, ед. хр. 686. Л. 51). По всей видимости, Елена Петровна готовила рассказ сестры для публикации в журнале «Lucifer» и перевод не успела завершить. В этом журнале при ее жизни было напечатано несколько произведений В.П.Желиховской: «Приключение в лондонском Тауэре»², «Проклята»³, «Жизнь в отрубленной голове»⁴. Переводы на английский язык выполнила Е.П.Блаватская.

Ровно год тому назад довольно большое общество собралось провести зимние праздники в деревенском доме, вернее, – в старом замке богатого землевладельца в Финляндии. Этот дом или замок был редким остатком капитальных, старинных построек наших прадедов, заботившихся о благосостоянии своих потомков более, чем мы, грешные; да поистине сказать, имевших на то более достатка и более времени, чем наше разоренное, вечно спешащее поколение...

В замке было много остатков древней роскоши и праотцовского гостеприимства. Мало этого, были замашки средневековых обычаев, основанных на традициях, на суевериях народных, наполовину финских, наполовину русских, занесенных русскими хозяйками, их родством, их многочисленным знакомством с берегов Невы. Готовились и елки, и гаданья, и тройки, и танцы – всякие общеевропейские, и местные, и даже чисто всероссийские вспомогательные средства для увеселения праздного, избалованного общества, которое предпочло на этот раз «лесную, занесенную снегами трущобу», – как называл свои владенья хозяин дома, – праздничным городским увеселениям. В старом доме имелись и почерневшие от времени портреты «рыцарей и дам» – именитых предков, и необитаемые вышки с готическими окнами, и таинственные аллеи, и темные подвалы, которые легко было переименовать в «подземные ходы», в «мрачные темницы» и населить их привидениями, тенями отшедших героев местных легенд. Вообще, старый дом представлял многое множество удобств для романических ужасов; но в этот раз всем этим прелестям суждено было пропасть втуне, не сослужив службы читателям; они в настоящем рассказе не играют прямой роли, как могли бы играть в святочном происшествии.

Главный герой его – с виду весьма обыденный, прозаический человек... Назовем его... ну, хоть – Эрклер. Да! Доктор Эрклер, профессор медицины, полунемец по отцу, совсем русский по

Рассказ публикуется по: Желиховская В.П. Фантастические рассказы. СПб., 1896. С. 245–267.

Первая публикация в: *Новости и биржевая газета*, 1889, №355, 25 декабря; 357, 29 декабря.

По сравнению с прежней публикацией (Ган Е.А., Блаватская Е.П., Желиховская В.П. О Всеблагое Провиденье... Сборник повестей и рассказов. Донецк, 2011. С. 171–185) текст рассказа уточнен.

Подготовка текста, публикация и комментарии А.Д.Тюрикова.

¹ Желиховская Вера Владимировна (в замужестве Джонстон; ок. 1862–1921) – писательница, дочь В.П.Желиховской, с 1888 г. жена ирландского санскритолога, востоковеда и теософа Чарльза Джонстона (1867–1931).

² An Adventure in the Tower of London // *Lucifer*, 1888, V. III, September.

³ Accursed // *Lucifer*, 1888, V. III, October, November, December. См. также заметку, написанную, по всей видимости, Е.П.Блаватской по поводу этого рассказа: *Lusifer*, 1889, V. III, January. P. 359.

На русском языке этот рассказ под названием «Странный случай после грозы» был напечатан в «Литературных приложениях к газете “Гражданин”» (1885, №12). В 1883 г. В.П.Желиховская безуспешно предлагала редактору «Нового времени» А.С.Суворину опубликовать рассказ в его газете (см.: РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 1399).

⁴ Life in a Severed Head // *Lucifer*, 1891, V. VIII, March.

На русском языке эта статья под названием «Жизнь отрубленной головы» была напечатана в: *Новости и биржевая газета*, 1891, №2, 2 января.

матери и воспитанию; по наружности тяжеловатый, обыкновенный смертный, с которым, однако, случались необыкновенные вещи.

Одну из них, по уверению его, самую необычайную, он рассказал небольшому кружку слушателей, окружавших его в боковой комнате, в то время как в больших залах и гостиных шумное общество, возвратившись с катания, собралось чуть ли не танцевать.

Доктор Эрклер, оказалось, был великий путешественник, по собственному желанию сопутствовавший одному из величайших современных изыскателей в его странствованиях и плаваниях. Не раз погибал с ним вместе: от солнца – под тропиками, от мороза – на полюсах, от голода – всюду! Но, тем не менее, с восторгом вспоминал о своих зимовках в Гренландии и Новой Земле или об австралийских пустынях, где он завтракал супом из кенгуру, а обедал жареным филе двуутробок⁵ или жирафов; а несколько далее чуть не погиб от жажды во время сорокачасового перехода по безводной степи под 60 градусами солнцепёка.

– Да, – говорил он, – со мною всяко бывало!.. Вот только по части того, что принято называть *сверхъестественным*, – никогда не случилось!.. Если, впрочем, не считать таковым необычайной встречи, о которой сейчас расскажу вам, и... действительно несколько странных, даже, могу сказать, – *необъяснимых* ее последствий...

Разумеется, поднялся хор требований, чтоб Эрклер рассказывал скорее...

– В 1878 году пришлось нам перезимовать на северо-западном берегу Шпицбергена, – стал он рассказывать. – Пытались мы переплыть оттуда к полюсу летом, да не удалось – льды не пустили! Тогда решили попробовать добраться [с] помощью салазок и лодок для переплывания трещин, но и это не удалось! Захватила нас темь – беспробудная полярная ночь; льды приковали пароходы наши в заливе Муссель⁶ и остались мы отрезанными на восемь месяцев от всего живого мира... Признаюсь, жутко было первое время! Особливо когда на первых же порах поднялись бури и снежные вихри, а в одну ночь ураган разметал множество материалов, привезенных нами для построек, и разогнал, на погибель, сорок штук оленей нашего стада.

Все, кроме главного вожака нашей экспедиции, всегда готового к лютой гибели на пользу науки, очевидно приуныли... Голодная смерть хоть кого обескуражит, а ведь олени, привезенные нами, были нашим главным *plat de résistance*⁷ против полярных холодов, требующих усиленного согревания организма питательной пищей. Ну, потом полегчало... Свыклись! Да и привыкать стали к еще более питательной, местной пище: моржовому мясу и жиру. Выстроила наша команда из привезенного нами леса домик на две половины: для нас, т.е. для троих наших профессоров и для меня, и себе самим; деревянные навесы для метеорологических, астрономических и магнитных наблюдений и сарай для уцелевших оленей. И потекли наши однообразные, беспросветные сутки, почти не отделяемые на дню серенькими сумерками... Тоска бывала, порою, страшная!.. Так как из наших трех пароходов двум предположено было вернуться в сентябре и только прежде времени восставшие ледяные стены заставили остаться весь экипаж, то все же надо было соблюдать изнурительную экономию в пище, в топливе, в освещении... Лампы зажигались только для ученых занятий; остальное время мы все пробавлялись Божьим освещением: луною да северными сияниями... И что это были за чудные, несравнимые ни с какими земными огнями величественные сияния!.. Кольца, стрелы, целые пожары правильно распределенных лучей всех цветов. Особенно великолепны были также лунные ночи в ноябре. Игра света месяца на снегу и ледяных скалах – поразительна!.. Такие бывали волшебные ночи, что глазам не верилось, и жаль бывало порой, что нельзя перенести этих небесных фейерверков в страны населенные, где было бы кому ими любоваться.

Вот, раз, в такую-то цветную ночь, – а может и день, – ведь с конца ноября до половины марта рассветов у нас не было совсем, мы и не различали, что день, что ночь... Ну, вот, раз посмотрим мы – кто наблюдения делает, кто просто любуется дивным зрелищем – вдруг в переливах ярких лучей, заливавших алым светом снеговые пустыни, вырисовывается какое-то темное,

⁵ Двуутробка (*устар.*) – любое сумчатое животное.

⁶ Mussel Bay (*англ.*).

⁷ основным блюдом (*фр.*).

двигавшееся пятно... Оно росло и, будто, распадалось на части по мере приближения к нам. Что за диво!.. Будто стадо зверей или куча каких-то живых созданий брела по снежной поляне... Но звери здесь, как и всё, – белые... Кто же это?.. Люди?!.

Мы не верили глазам!.. Да, кучка людей направлялась к нашему жилищу. Оказалось – более полусотни охотников за моржами под предводительством Матиласа, хорошо известного в Норвегии ветерана-мореходца. Захватило их льдом, как и нас...

– Как вы узнали, что мы здесь? – изумились мы.

– Нас провел старик Иоганн, вот этот самый, – указали нам моржеловы на почтенного, беловолосого старца.

Ему бы, по правде, на печке следовало сидеть да разве лапти плести, а никак не в полярные моря на промысел ходить... Мы так и сказали, дивясь к тому же, откуда узнал он о нашем присутствии и нашей зимовке в этом царстве белых медведей?.. На это Матилас и спутники его улыбнулись и убежденно заявили, что «Иоганн все знает»; что, видно, мы мало в северных окраинах бывали, когда не слышали о старом Иоганне, и дивимся еще чему-нибудь, когда старожилы *на него* указывают...

– Сорок пять лет промышляю я в Ледовитом океане и сколько помню себя, столько знаю и его – и всегда таким же белобородым! – объявил нам вожак моржеловов. – Когда я с отцом мальчишкой еще в море хаживал, – прибавил он, – батька мне тоже об Иоганне рассказывал. И про своего отца и деда говаривал, что всегда и смолоду другим его не знавали, как *таким же белым*, как родные наши льды... С дедами нашими бывал он на промыслах всезнайкой – таким же и доньше все промышленники его знают.

– Так что же ему двести лет, что ли? – засмеялись мы. И приступили некоторые наши молодцы из команды к нему с расспросами: дедушка, сколько тебе годков будет?

– А и сам-де не знаю, молодчики. Живу, – говорит, – пока Бог жить велит. Годов не считаю.

– А откуда ж ты узнал, что у нас здесь зимовка?

– Бог указал, – говорит. – Сам не знаю, откуда узнал я, а знал верно⁸... Вот и привел. На людях легче им будет.

Им-то легче, но наш набольший крепко затруднился гостями. К весне, того гляди, и нашим людям придется норвежским мохом питаться, для оленей припасенным; где ж тут еще столько ртов принимать? Однако, старый Иоганн, не дожидаясь, чтобы мы свои опасения высказали, попросил только о приюте в сарае на несколько дней...

– Вот, как деньков через десять настанет перемена ветра, льдины-то расступятся. Наши суденышки не то, что ваши махины: найдут себе щелки для выхода. К Христову дню – будут *иные* у своих очагов на родимых берегах, в Гамерфесте⁹.

– Как так – *иные*? – переспросили его.

– Да те, коим Бог присудит.

– А другие-то что же?.. С ними, что ж станется?

– А со всеми будет воля Божья! – просто отвечал Иоганн. А старик Матилас почесал голову и вздохнул при этом: «Видно, не всем нам родимый порог суждено переступить!»

Заинтересовали меня очень, признаюсь, эти два вожака отважных промышленников. Да и не меня одного; особенно, Иоганн этот. И, как увидите, не даром. Чудный старик оказался! Поистине, *все знал*! И многое такое, чего наши ученые профессора не знали, т.е. в чем не совсем уверены были. Они на рассказы Иоганна только рты разевали... Каждый день после работ призывали мы его на свою половину и начинались расспросы и дивования. Всего, что странный человек этот нам рассказывал, не передать и в три дня. Довольно того, что все его рассказы касались далеких, мифических времен; допотопных, доисторических переворотов на земном шаре; давно отживших рас, фаун и флор и не только в его северных, но и в тропических странах.

Наш почтенный профессор В., зоолог, ботаник и антикварий, то и дело подпрыгивал от изумления, определяя научные теории и гипотезы, которые узнавал в рассказах этого

⁸ В этом месте перевод Е.П.Блаватской заканчивается.

⁹ Хаммерфесте (*норв.* Hammerfest).

удивительного старца... Он говорил о погибших материках, о катаклизмах, изменивших лицо земного шара, породы животных и людские расы, – так определенно, с такою уверенностью, как будто сам был очевидцем этих переворотов многих и многих тысячелетий. На расспросы наши: как, откуда он все это знает? Иоганн всегда пожимал плечами и, кротко улыбаясь, отвечал, что и сам не знает!.. «Бог-де поведал!.. Знаю, – *видал!*»

Раз только он мне одному сказал удивительные слова:

– *Вижу* я все, что знаю. Вижу – не оком, а духом!.. Есть у меня высочайшая, *семиоконная*, духовная башня... В нее, за облака, *под девяносто седьмые небеса возношусь я и оттуда созерцаю премудрость Божью!*..

Мало того, что старый Иоганн дивил нас своими рассказами, он еще более нас поразил своими сведениями о недугах человеческих, о тайных силах магнетизма, ясновидения и тому подобных – сорок лет тому назад почти неведомых науке – свойствах духа человеческого. Дня за три до его ухода от нас наш товарищ химик К. сильно заболел удушьем. Он прежде страдал астмой, но припадки несколько лет не возобновлялись и он считал себя излеченным. Но этот приступ был так силен, что я считал его погибшим, когда в комнату неожиданно вошел Иоганн.

Он подошел без зова, как власть имеющий, и к величайшему удивлению нашему, начал делать пассы над больным, сосредоточенно устремив взгляд на лицо его. Мы невольно отошли, наблюдая... Не прошло и нескольких минут, как К. стал свободнее дышать, перестал метаться и скоро окончательно успокоился, глубоко заснув под магнетическими пассами старика!

На другой и на третий день Иоганн его магнетизировал снова и сказал, что он будет здоров...

– Надолго ли это? – спросил тот.

– Думаю, что навсегда... По крайней мере, обещаю, что припадки не возобновятся *при моей жизни!* – было ответом.

Все мы переглянулись... Профессор химии был человек [лет] под сорок всего, а моржелов годился ему в деды. Он быстро угадал наши мысли.

– Дня же своего и часа не ведает никто! В нем волен Бог! – сказал он. – Но... я имею право рассчитывать еще на довольно продолжительную жизнь.

– Неужели?! – изумились мы. – Но почему же?

– Мне так сказано... *Я еще не окончил своего дела.*

– Тебе это сказано – *там?* – начал было необдуманно я, но не успел договорить, как собирался: «*в твоей семиоконной духовной башне*», – я не успел выдать этих слов его, мне одному доверенных, и сам доныне не знаю почему?... Что-то сжало мне горло и язык не повернулся, словно какая-то сила окаменила его...

В ту же секунду старик взглянул на меня укоризненно и вышел.

Я догнал его на пороге нашего жилища, чувствуя, что обязан просить у него прощения. Ночь была дивная!.. В фосфорических переливах небесных сияний льды горели бриллиантовыми искрами и сияли самоцветными радугами.

– Ты, дедушка, прости меня, – начал было я, но он прервал меня.

– Бог простит, – говорит. – Не ты, а я виноват, что неосмотрительно разбалтываю то, о чем говорить не приходится. Да ничего! Говори себе, рассказывай о моей башне, кому хочешь, – неожиданно прибавил он, словно угадав мое намерение спросить его, – только не теперь! Не при мне, чтобы не узнали люди ваши и все... Тогда ведь покоя не дадут мне!

– *Не буду! Не буду!* – поспешил я его успокоить. – Только скажи ты мне, любезный друг, кто тебя научил пользоваться той силой, которой ты вылечил нашего товарища?

Иоганн посмотрел на меня долгим, задумчивым взглядом и сначала было отвечал своим всегдашним ответом:

– Бог-де выучил...

Однако, на усиленные просьбы мои рассказать, как он открыл свои магнетические способности, он объяснил, что никто ему на них не указывал, а признал он их сам в себе исподволь, понемногу.

– Зачем же и хожу я на промыслы со своими? – предложил он мне вопрос. – Неужели, думаешь ты, за наживой?.. Нет, милый человек, – барышей их мне не нужно! Да я и прав на них не имею, не помогая им в их трудных заработках... Опасностей промысла я не боюсь, – опять угадал он мою мысль. – Нет! Не опасности, а греха! Никогда не обагрят я рук в чьей-либо крови. Никогда не касались уста мои животной пищи. Мне незачем лишать жизни тварей Божьих. Я скорблю и за других-то, что лютая нужда заставляет людей промыслять кровью – лишать жизни творений Господних... Хожу я на промыслы и буду ходить, пока в силах, для того, чтобы помогать и врачевать. Много раз приходилось мне пользоваться Богом данными мне способностями: облегчать недуги товарищей, выводить их из опасности... Вот, как теперь, вывел я из-под метелицы¹⁰ и довел до вашего жилья всю партию. А то, ведь, уж у нас нечем было огоньку развести, да и перекусить им, беднягам, почти что ничего не оставалось... Вас мы не объели: еще наши же люди вам промыслили запасов, а сами всё же от вихрей да стужи укрылись.

А моржеловы точно за эти дни набили нам и моржей, и медведей, и рыбы наловили большой запас.

– Вот через три дня уйдем к Серому Мысу, – закончил старик свою речь. – Надо попытаться доставить мою партию по домам... Тех, кому суждено уцелеть!..

– А не всем суждено это? – спросил я.

– Не всем! – покачал головой Иоганн. – Я боюсь, что вернется наша ватага без головы...

– Как?.. Матилас? – спросил я, изумившись. – И это ты знаешь, старина?

– Эх, – говорит, – барин! Мало, что я знаю! Больше на горе свое, чем на радость... Редко, – говорит, – кому мне приходилось говорить о знаниях своих, как тебе. А тебе и *таким, как ты*, – *говорить мне приказано*... Такие, как я, больше должны молчать; но иногда тем, кто уши и глаза не закрывают от премудрости Создателя всех сил, мы должны открываться... Пусть истина пробивается в мир хоть редкими, окольными путями, пока не наступит ей время прорваться с большой, неодолимой силой и ярче озарить свет, чем наши полярные ночи освещают эти Божьи, чудные огни! – указал он на северное сияние.

А я, признаюсь, смотрел на него в изумлении и не совсем доверяя. Я нарочно переспросил: «Такие-де, как ты?..»

– Но разве ж ты, старина, точно какой-нибудь особенный человек?

– Да, – говорит. – По нынешним временам я – *особенный!* Таких, как мы, теперь мало... В будущем земном круге нас опять станет больше, а ныне осталось очень мало...

– Но кто же ты такой? – не выдержал я. – Колдун, что ли?

Старик усмехнулся.

– Колдун – бессмысленное слово! – сказал он. – По крайней мере, то, что люди понимают под этим названием, ничего не объясняет, а, напротив, затемняет людские понятия... Я один из не утративших *третьего ока!*.. Ока духовного, которым щедрее были одарены прапраотцы наши, которое с течением веков разовьется снова в далеких праправнуках наших, когда люди перестанут бороться с истиной, с Силой сил! И чем скорее сдадутся люди плоти, люди греха на убеждения всемогущей истины; чем скорее восторжествует воля немногих людей духа над упорством людей плоти, – тем скорее человечество поймет свои ошибки! Тем полнее восторжествует свет истины над одолевшими его ныне грубыми силами праха и тлена!

– Вот смысл удивительных речей старика-норвежца, сказанных им мне в ту величавую ночь на ледяных берегах Шпицбергена, которую я никогда не забуду! – заключил доктор Эрклер свой рассказ. – Да если б и хотел я забыть старца Иоганна, он бы мне этого не позволил!

Мы, его внимательные, хотя несколько скептические слушатели, изумились и снова насторожили внимание.

– Как же так не позволил?.. Чем?.. Какою силой?

Некоторые из нас уже составили было отдельные кружки, рассуждая о странном рассказе доктора; большинство, разумеется, отнеслось к нему скептически. В особенности критически к

¹⁰ метелицы (*устар.*).

нему отнеслись двое молодых людей: студент из Дерпта с довольно окладистой бородой и совсем безбородый врач, только что сорвавшийся со скамейки. Теперь услышав это последнее заявление своего ученого собрата, юный доктор умолк, покосившись на него поверх очков, за ним его собеседник и почти все уставились на Эрклера.

– Как и чем Иоганн не позволил вам о себе забывать?

Почтенный доктор помолчал; потом окинул всех таким взглядом, будто мысленно вопрошал нас: «Да полно! Говорить ли уж вам?..» Наконец, как бы решившись, скороговоркой отрезал:

– Да тем, что каждый раз, как мне случалось о нем рассказывать – поминать его удивительные знания, его загадочные силы, непременно случалось что-либо... странное! – совершенно неожиданное и... необъяснимое!

Эти слова породили неловкое молчание...

Наконец, одна старушка, тетка хозяина дома, спросила:

– Что же именно?.. Что-либо дурное?.. Неприятное?

– Да, да!.. И с кем?.. С вами, доктор? – спросил высокий, весело глядевший на всех господин – местный мировой судья. – Или не вы один страдаете от дружеских напоминаний вашего колдуна из-под Северного полюса, а и мы все не вне опасности?

– Не беспокойтесь! – отвечал профессор, улыбаясь на всех его окружавших. – Опасного нет ничего в *визитных карточках* Иоганна... Чаше бывает смешное...

– Неужели совместно с достоинством такого мага злоупотреблять своей силой? Подшучивать ею над безобидными смертными, как какому-нибудь проказнику из царства гномов? – иронически спросил студент.

– Это не достойно современника великих праотцев и патриархов! – поддержал его юный эскулап, сморщив под очками нос в насмешливую гримасу.

– Почему же! Да воздается каждому по делам его и заслугам! – сказала тетушка Амалия Францевна. – Иной шут гороховый и не стоит серьезного урока...

– А проучить его необходимо! – закончил Эрклер, добродушно улыбаясь. – Нет, серьезно, – продолжал он, – мне приходилось не раз вспоминать моего знакомого со Шпицбергена. В особенности, наш последний разговор...

– При свете северного сиянья? – прервали доктора.

– Нет, – возразил он, – в серенькую ночь, которая собственно была утром... Ровно через три дня, как он и предсказывал, по излечении им нашего товарища Иоганн отплыл со своими моржеловами, пользуясь переменной ветра, разогнавшего льдины. Прощаясь, он сказал мне: «Если я вам когда-нибудь понадобится, подумайте обо мне! *Пожелайте сильно*, всей вашей волей, всем разумом...»

– Разумом?! – насмешливо прервал юный эскулап.

– «Всей силой духа вашего, – не смущаясь, продолжал профессор медицины, – и я постараюсь быть вам полезным; если придется, даже увидеться с вами...»

– Представ среди полымя и смрада, как Мефистофель, – широко, но не без претензии, улыбаясь, вставил бородатый студент.

– «Если придется с вами увидеться! – повторил Эрклер. – *Но без особой нужды не призывайте меня*», говорил!

– И что же? Вы призывали?.. Вы *его* видели? – опять перебили доктора те же неутомимые слушатели.

– Нет! – сухо отозвался рассказчик. – Не призывал именно потому, что не было крайней нужды в его помощи. Но совершенно уверен, что если призову, то увижу.

– Совершенно уверены?! Нет Professor, вы нами забавляетесь?

– Извините! Я только рассказываю факт: я верю в необычайные силы и способности Иоганна, во-первых, потому что имею безумием считать наши узкие знания, вашу миниатюрную, близорукую науку весьма несостоятельными вспомогательными средствами к постижению всех дивных, могущественных сил, сокрытых в человечестве и в окружающей нас природе; а во-

вторых, потому что он не раз давал мне, без всякого с моей стороны призыва, удостоверения в том, что не прервал со мной духовных сношений...

Мы переглянулись изумленные, а студент и его соумышленник весьма неучтиво рассмеялись.

– Позвольте мне окончить мой рассказ и я перестану смешить вас и злоупотреблять вашим терпением, – серьезно отнесся к ним доктор Эрклер. И продолжал, обернувшись к другим слушателям. – Я должен еще сознаться вам, господа, что я верил бы в необыкновенные способности старика Иоганна и в существование подобных ему удивительных субъектов, – хотя сам не встречал других таких, как он, – по собственному убеждению возможности их бытия... Но в этом случае я даже *не имел бы права ему лично не верить*, если бы, вообще, и не допускал таких ненормальных явлений потому именно, что все сказанное им сбылось. Вы знаете К., нашего уважаемого профессора химии, господа? Спросите его: радикально ли он излечен от астмы. Он скажет вам, что, несмотря на его последующие путешествия к северу и долгие пребывания в областях вечных льдов, не только припадки удушья его не повторялись, но он даже никогда не простужался, стал здоровее, чем когда-либо... Потом, бедный вожак моржеловов, норвежец Матилас, точно более не видал родного крова: он в числе пятнадцати человек, – из пятидесяти восьми отважных охотников, которым мы оказывали гостеприимство в заливе Муссель, – задержанных временно льдами на Сером Мысе, погибли на охоте за белыми медведями. Возвращаясь весной в Европу, мы видели его могильный камень на пустынном берегу... Наконец, те знаменательные слова, которые дед Иоганн сказал мне на прощание пред исчезновением их утлой флотилии между трещинами ледяных скал в узких проливах, образованных временно разошедшимися льдинами, – должны были бы каждого убедить в необъяснимом могуществе его, потому что он не раз выполнял их косвенное обещание...

– А какие же это были слова? – спросила старушка Амалия Францевна, жадно уставившись на доктора.

– Вот они, – исключительно к ней обратился профессор, – он сказал: «*Я, может быть, вам буду иногда напоминать о себе*». Иоганн сказал это мне, склонившись с лодки, которую уже отталкивали от берега. За ним отплыли и остальные... Я стоял и глядел им вслед, пока высокая фигура старика, стоявшего у руля кормчим передовой ладьи, не скрылась в сумерках; пока заиндевелая серебряная борода его не слилась в белесоватом тумане полярной, лунной ночи, – я не мог от него глаз отвести!..

– И больше вы его не видали?

– Не видал. Но... иногда...

– Что такое?... Что – *иногда*?

– Иногда мне чудилось, что я... чувствую его близость, его присутствие!

И доктор Эрклер весьма красноречиво пожимался, неопределенно осматриваясь вокруг...

Тут произошло нечто неожиданное.

В комнату вбежали молодые хозяева дома, необыкновенно оживленно сзывая всех:

– Что вы сюда забрались! Идите скорей! Скорее – смотрите какое необыкновенное явление на небе!.. Говорят, что это отражение северного сиянья... Чудо! Чудо, как красиво!.. Все небо в алом зареве и в лучах. Пойдемте скорей!

Все мы бросились вслед за убежавшей молодежью и действительно увидели в окнах дальней комнаты великолепный отблеск полярного сиянья. Хозяева распорядились потушить огни в северной стороне дома, на вышке-фонарике, и те, кто не поленился туда взойти, любовались вдвойне величественным зрелищем. Несколько слушателей доктора, в том числе и я, вошли наверх и вновь прослушали целую лекцию его о северных сияниях. Оканчивая описание одного из таких явлений, виденных им в арктических странах, он, указывая нам на потухавший алый свет, сам взглянул в окно и, вдруг вздрогнув, умолк и припал к стеклам...

Стоя рядом, я невольно подалась к окошку, следуя по направлению его взгляда, и увидела среди широкой, пустынной площадки пред парком, занесенным глубоким снегом, очень высокого, плечистого человека. Он шел от дома, словно только что вышел из него, и не спеша направлялся в

среднюю аллею... Дойдя до предела площадки, ярко освещенной луною, он остановился, обернулся лицом к нам и взглянул на окно...

Мы увидели лицо очень благообразное, но совершенно обыкновенное. Черты седого старика, обрамленные меховой шапкой и длинной белой бородою; но я его видала лишь мельком, отвлеченная необыкновенным состоянием доктора, который весь дрожал и вдруг, сорвавшись с места, бросился вниз с лестницы в ту именно минуту, когда один из молодых хозяев, стоявший возле нас, удивленно произнес:

– Кто этот старик? И куда он идет?.. Парк теперь заперт... Откуда взялся он? Я никогда его не видел!

Немудрено... Вероятно, не один наш молодой хозяин не видел его ни прежде, ни после... Старика не нашел и выбежавший за ним на мороз без шапки доктор Эрклер. И кого мы не расспрашивали о нем впоследствии – гостей, хозяев и дворню – *никто такого старика не видел и никто не знал его*, – кроме нашего рассказчика, профессора медицины... Он-то знал! Да только не пожелал ни назвать его, ни сознаться в том, что *узнал* старого знакомого...

Тем не менее, для нас из его внезапной задумчивости было ясно, что если белобородый старик, мелькнувший нам в парке, и не был сам Иоганн, то за него был он принят профессором.

Однако появлением неизвестного старца не ограничились неожиданные события этого святочного вечера. Среди возобновившихся забав и оживления кто-то вдруг вспомнил отсутствовавших друзей – юного медика и зрелого студента.

Где они?.. Никто не знал. Никто не видел их с тех пор, как все мы двинулись смотреть небесное явление, отблеск далекого полярного сияния. Все думали, что и они были с нами... Но нет! При строгом исследовании оказалось, что они в жару рассуждений о рассказе Эрклера замедлили в той дальней комнате и не пошли вместе с нами, а остались, чтобы договорить.

Их бросились искать. Хозяева разослали прислугу по всему дому, потом по службам, наконец – по саду и парку; но нигде ни следа медика, ни дерптского студента!

Наконец, на самом дальнем южном конце громадного дома послышались откуда-то сверху крики... Жалобные призывы на помощь.

Все гурьбою устремились туда по коридорам, по лестницам, по крутым, витым ступенькам на противоположную тому фонарику, откуда мы смотрели на сияние, необитаемую, еще более высокую вышку, служившую складом для всякого ненужного хлама. Из-за ее запертых на крючок узеньких дверей неслись отчаянные крики и стук; в них беспощадно колотили до опухоли избитыми кулаками расвирепевшие друзья.

– Сейчас! Сейчас!.. Слышим, идем! – кричали издали заключенным, старавшихся столкнуть запоры их тюрьмы – заржавевший в петле крючок, долго не поддававшийся стараниям.

И вот они оба – врач и студент¹¹ предстали, наконец, из холодной, пыльной, темной кладовушки в самом печальном виде: испачканные, промерзлые, обозленные.

– Как вы сюда попали?.. Как это могло случиться?.. Кто вас здесь запер?..

– Разве мы знаем?.. Черт или какой-то негодяй! – сердито закричал медик.

– Мы вышли вслед за вами, но в зале нам сказали, что все пошли наверх, – объяснил студент. – Тут в коридоре какой-то человек, старик, – мы приняли его за служителя, – очень учтиво предложил нас проводить и пошел со свечей в руке. Мы за ним...

– Да! Черт его побери! – перебил медик, весь трясаясь от злости. – Мы за ним! Он, дойдя до двери, учтиво пропустил нас вперед и бац – крючок в петле!..

– А мы – в темной западне! – закончил товарищ.

– О, бедные! И просидели во тьме и холоде битых три часа? Но кто же, – *кто* мог сыграть с вами такую злую шутку?! – негодовали хозяева и гости.

Да! В том-то и была задача: *кто это сделал?*..

Как ни разыскивали виноватого, как ни хлопотали узнать его смущенные хозяева, – его не оказалось!

¹¹ студент (*устар.*).

– Еще один *странный случай* к нашим воспоминаниям о старце Иоганне? – коварно шепнула Эрклеру старая тетушка. – Еще одна его «визитная карточка»?..

Но тот только весело глянул на нее, сдерживая улыбку, но ничего не отвечал.